

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Сейф
олигарха

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован
рисунок *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Сейф олигарха / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2015. —
320 с. — (МУРу — 90 лет. Лучшие романы Н. Лео-
нова).

ISBN 978-5-699-83045-9

Если олигарх Прокопов чихнет, вся финансовая система страны начнет кашлять. И такого человека охраняют как президента. Но слабое место в охране всегда найдется. Грабитель проник в сейфовую комнату резиденции олигарха, где хранилась его коллекция драгоценных камней. Правда, вынести их ему так и не удалось — при отходе грабитель был убит. Полковник Гуров уверен, что один человек не мог повернуть такую операцию, и начал искать банду. И первое, что он сделал, — принялся копаться в делах самого олигарха...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонова О. М., 2015
© Макеев А., 2015
© Оформление.

ISBN 978-5-699-83045-9

ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

— Куда это ты сегодня в такую рань? — с трудом раскрывая длинные ресницы, сонным голосом пробормотала жена. — И меня разбудил, нехороший!

В ее голосе звучали притворные капризные нотки — как у маленькой избалованной девочки. Хохлова, зрелого солидного человека, это странным образом возбуждало, и жена об этом прекрасно знала, уловила эту его слабость с лету и с тех пор частенько применяла этот невинный прием. Это была их игра, которая никак им не надоедала, хотя женаты они были уже больше года.

Вот и сейчас Хохлов едва удержался от соблазна отреагировать на эту призывно-капризную нотку, не стал нырять обратно в теплую супружескую постель, не отдался порыву страсти, которую так легко пробуждала в нем молодая жена. Ему и в самом деле было некогда. Любовь — это прекрас-

но, но чтобы иметь на нее право, следовало вкалывать не покладая рук.

— У меня сегодня с утра сеанс, дорогая! — нежным голосом пропел он, направляясь в ванную. — Прокопов сменил распорядок дня. Он, видишь ли, не успевает зарабатывать свои миллионы, времени катастрофически не хватает. Спит, по-моему, уже, как Наполеон, по два часа в сутки. Вот и сеанс мануальной терапии перенес на 6.30. Попытался переубедить его, но ведь он как камень... А ты не волнуйся, спи, я больше не стану тебе мешать...

— Я сплю, — мирно отозвалась жена и действительно мгновенно заснула.

Хохлов с порога спальни еще раз полюбовался соблазнительными очертаниями молодого женского тела под тонким атласным одеялом, покачал почему-то головой и вздохнул. Но уютные сладкие мысли в его голове уже вытеснялись другими, четкими и деловыми — планами на ближайшие часы жизни. Прежде всего, конечно, внешний вид. Он должен выглядеть предельно респектабельно, но без излишнего лоска. Все-таки он врачеватель, а в глазах страждущего человечества врач не должен выглядеть баловнем судьбы.

Сам Хохлов себя баловнем судьбы не считал, хотя в жизни ему удавалось многое,

и жаловаться было грех. К сорока годам он стал крупным специалистом в своей области, одним из первых, кто поднял престиж мануальной терапии так высоко, что за прикосновение его ловких рук состоятельные люди с охотой начали платить, и платить много. Хохлову удалось обойти конкурентов, вырваться из цепких лап ненасытного государства и уйти на вольные хлеба. Видимо, у него был настоящий талант, потому что слухи о его мастерстве распространялись среди потенциальной клиентуры, как лесной пожар, многие считали его настоящим волшебником. Связи его ширились, он пользовал многих сильных мира сего и, не стесняясь, обращался к ним в трудную минуту. Ему охотно помогали, потому что он тоже помогал. Все это позволило Хохлову обзавестись собственным кабинетом в центре Москвы, нанять помощников и вообще — наладить жизнь. Он узнал вкус хороших вин, научился делать покупки в дорогих магазинах, привык к комфортабельным автомобилям. Наконец, он женился на женщине в два раза моложе, писаной красавице, и она, кажется, испытывала к нему самые серьезные чувства. Ну или, по крайней мере, очень искренне эти чувства имитировала, что было почти одно и то же в наше ненадежное время.

Впрочем, и до женитьбы Хохлов не мог пожаловаться на отсутствие внимания красивых женщин. Он и сам был вполне хорош собою, атлетически сложен, умел одеваться, держался всегда уверенно, а со слабым полом и слегка иронично, в общем, производил впечатление надежного и интересного мужика. По этой причине и в отношениях с первой женой наметился раскол. Нет, причин на самом деле было много. Обжитой мирок, угасшие чувства — рамки привычного уюта стали слишком тесны Хохлову. Он чувствовал, что находится на пути в какой-то удивительный сверкающий мир, где открываются грандиозные возможности. Ему мерещилась собственная клиника из полированного мрамора и зеркального стекла, международные контакты, пациенты-миллионеры, какие-то дальние перелеты в белоснежных «Боингах»... В той новой жизни Хохлов не видел свою Софью Андреевну, неяркую, погрузневшую, погрязшую в мелочных заботах женщину. Наверное, дочь видел — дочь он очень любил и желал ей блестящего будущего, но, как ни странно, Аллу такое будущее не прельщало. Она категорически заняла сторону матери и пребывала с Хохловым в натянутых отношениях. Или, может быть, просто не верила в его возможности? Нынешняя

молодежь дьявольски расчетлива и за версту чует пустышку. Но он не был пустышкой, ни в коем случае. Хохлов верил, что стоит на пороге оглушительного успеха. Осталось потерпеть совсем немного, и он перейдет в новое качество. Но вот дел было у него по горло. Ведь он еще и диссертацию готовил — в его профессии без ученых степеней подвизаются только самозванцы. В кабинете на стене обязательно должны висеть дипломы в рамочках, много-много дипломов, с гербами и печатями — это тоже своего рода капитал.

Пациентов Хохлов, как правило, принимал в своем лечебном кабинете, который гордо именовал центром мануальной терапии — в конце концов, это был задел мечты, ее краеугольный камень, на котором впоследствии должен был вырасти настоящий центр, с просторными помещениями, аппаратурой, соответствующим штатом — все это будет, если есть мечта и есть задел. А он был.

Некоторых клиентов, особо важных, Хохлов посещал сам. Таких, например, как банкир Прокопов. Этот мог позволить себе оборудовать кабинет мануальной терапии на дому — выбираться к Хохлову ему некогда. Даже во время сеанса над ухом у него беспрерывно трещал телефон. Правда, на

звонки в это время отвечал референт, художочный и бесстрастный, точно кукла, вылепленная из белой глины. У Проколова образ жизни сидячий, позвоночник никудышный, доставлявший ему до встречи с Хохловым невыразимые страдания.

Люди, которые в силу своей молодости или завидной наследственности с подобными проблемами не сталкивались, не в состоянии понять, как отравляют жизнь эти невидимые глазу изменения в позвоночном столбе, эти костенеющие, теряющие подвижность сочленения! Каждое движение становится настоящей пыткой, от боли перехватывает дыхание, а тело делается неуклюжим, как старомодный комод на пузатых ножках. Больной позвоночник может убить любую мечту, сбить с ног любого энтузиаста — так считал Хохлов. К счастью, у него самого с этим делом проблем не было, но он видел, как страдают пациенты, и был уверен, что понимает их лучше, чем кто бы то ни было.

Взять того же Проколова. Хохлову редко приходилось встречать в жизни столь энергичных людей. Прокопов постоянно был заряжен на покорение каких-то вершин: финансовые пирамиды, суперпроекты, благотворительность, осуществлявшаяся с большим размахом, политика — всего не пе-

речислить. На личную жизнь, как ни странно, тоже оставались силы. Прокопов обожал морские купания, возню со штангой и драгоценные камни, особенно изумруды, собрал даже приличную коллекцию.

В изумрудах Хохлов большой беды не видел, морские купания даже рекомендовал, а вот штангу запретил категорически и был в душе горд, что может диктовать что-то такому могущественному человеку.

И надо сказать, что после знакомства с Хохловым Прокопов будто заново родился. Правда, он нуждался в постоянной поддерживающей терапии, и приходилось повторять сеансы, но так, по мнению Хохлова, было даже справедливо — связь с Прокоповым терять очень не хотелось. Их отношения быстро перешли грань формальных: заказчик — клиент. Прокопов относился к своему врачу очень тепло, называл его «спасителем» и «чудотворцем», частенько оставлял ужинать, угощал виски и даже грозился показать коллекцию драгоценных камней, что было у Прокопова признаком особенного расположения к человеку. Правда, времени на это все никак не находилось. Хохлов не особенно переживал по этому поводу — к драгоценностям он был равнодушен, но непременно собирался напомнить банкиру о его обещании. Человеческая бли-

зость — вот истинная драгоценность, и уж ее-то Хохлов не хотел упускать ни в коем случае.

На утренний туалет и завтрак у Хохлова ушло совсем немного времени. Человек он был собранный и рациональный. И завтрак совсем легкий — негоже заниматься физической работой с полным желудком. А профессия Дмитрия Викторовича Хохлова требовала не одних умственных усилий, это настоящая мужская работа. Было в ней что-то схожее с профессией скульптора — своими руками Дмитрий Викторович лепил человеку новое крепкое тело взамен износившегося. Действительно, в некотором роде чудо.

Машину свою, «Форд» предпоследней модели, Дмитрий Викторович оставлял на платной стоянке в двух шагах от дома. Была у него слабость к американским машинам, которой он и сам не мог объяснить. И, что бы там ни говорили о надежности и оснащенности японских и европейских машин, Хохлов почему-то всегда останавливался на американской модели. Должно быть, с юности отложилось в памяти, что Америка — страна, где люди живут на колесах, а значит, понимают в этом толк.

При машинах дежурили молодые рабочие парни с тяжелыми, как утюги, челю-

стями. Их позвоночники были пока еще гибкими и надежными, а потому Хохлова они знать не знали и даже здоровались с ним не всегда. Дмитрий Викторович не любил подобную публику. Он никогда не мог понять молодых, полных сил людей, которые, вместо того чтобы переворачивать мир, строить карьеру или штурмовать вершины, занимались каким-нибудь непыльным бесперспективным делом — сторожили чужие машины, торчали за прилавком или мели улицы. Дмитрию Викторовичу подобный образ жизни казался притворством, маскировкой, за которой непременно должна была скрываться какая-то неприятная тайна. Потому и к сторожам на автостоянке он относился с легкой настороженностью. Впрочем, все машины у них всегда в абсолютном порядке.

Ехать Дмитрию Викторовичу нужно на Воробьевы горы. Прокопов предпочитал почему-то жить именно там, хотя с его возможностями запросто можно обосноваться где угодно. Правда, в своем корпусе Прокопов занимал целый этаж и жил совершенно обособленно. Еще у него имелся загородный дом, поместье, как он сам говорил с легкой иронией, но там Хохлов у него ни разу не был.

Над Москвой только начинало проре-

зваться утро, пробок на улицах пока не намечалось, воздух почти свеж и прохладен. На стеклах машины быстро подсыхала ночная испарина. Время у Хохлова рассчитано почти математически точно — через двадцать минут он должен уже оставить машину на площадке перед многоэтажным корпусом, через двадцать одну — доложить о себе охранникам при входе (личной охраны Прокопов дома не держал), а через двадцать две уже подниматься в лифте на девятый этаж, который Прокопов шуточно называл «своим девятым небом».

Хохлов любил вставать рано. В такие минуты Москва казалась особенно просторной, огромной и новой. Это было как путешествие в ином измерении. А пробок Дмитрий Викторович не любил, как и всякий нормальный человек.

Пробок с утра не было, политые водой улицы блистали, точно сталь, и «Форд» мчался по ним бодро и весело, но примерно с того момента, как Дмитрий Викторович выехал на Садовое кольцо, что-то произошло. Что-то мелкое, но неприятное, вроде камешка, попавшего в ботинок. Хохлов даже сразу не понял, что его беспокоит. Лишь трижды бросив рассеянный взгляд в ■ зеркало заднего вида, он вдруг сообразил,

что его уже давно преследует странного вида субъект на мотоцикле.

Это был человек неопределенного пола, затянутый в черную кожу, с яйцеобразным шлемом на голове — светонепроницаемый пластик отливал зловещим лиловым цветом. Мотоцикл современный, вытянутый и зализанный, как пуля, в красных и белых разводах. Этот мрачный тип, похожий на робота из какого-нибудь фантастического фильма, тащился за Дмитрием Викторовичем как приклеенный. Вообще-то это было глупо, но Хохлов встревожился. Мотоциклист старательно повторял его маршрут, все время держа примерно одну и ту же дистанцию.

— Что за дурдом? — пробормотал наконец Дмитрий Викторович, убеждаясь, что безликий преследователь сворачивает вслед за ним к Бородинскому мосту. — Какие-то дурацкие игры в шпионов, ей-богу! Что вообще у него на уме, черт побери?!

Дмитрий Викторович не был шпионом и никогда не занимался ничем криминальным. Его некому и незачем выслеживать. Однако беспокойство не отпускало. Он прекрасно понимал, в какое время живет. Человеческая жизнь мало чего стоила. Любого могли убить из-за автомобиля, из-за сотни долларов, да просто так, от скуки. Нет, бу-